

Замри.
Замолкни.
И мир опрокинется на тебя мощным водопадом.
Своей невероятной, невыразимой красотой.
Обрушится на тебя.
Идеальный.
Совершенный.
Цельный.
Дивный.
Не требующий никакого вмешательства твоего ума.
И в этой тишине границы мгновенно растворятся, и ты увидишь, что мир и ты совершенно и тотально едины.
Ты не нуждаешься в изменении.
Лишь присутствуй.
И являйся тем, что и всегда.
Целым.
Неделимым.
Прекрасным миром.

Удивительная способность нашего сознания — одновременно быть наблюдаемым и наблюдателем.
Вот я — наблюдатель...
Я сижу на каменной террасе, смотрю на горы, людей, смотрю на собак...
Я впитываю непривычный запах и вкус.
Отражаю другие цвета.
Преломляю другой язык.
Вижу совсем другие лица, их хочется разглядывать, а потом рисовать. Ощущаю, как течет по-другому время.
И одновременно я — наблюдаемое.
То целое, на которое я смотрю, помещено и в меня.
Я сама состою из него, а значит, я часть этого наблюдаемого.

И я плыву по улицам, как по волнам.
Я наблюдаю.
И в то же самое время я знаю, что прямо сейчас Целое наблюдает меня.

Чего мы ищем?
Чего мы ищем, с жадной и судорогой, от начала своего до своего конца? Избавления от страданий.
От боли.
От страха.
Попытка за попыткой мы ищем покоя.
Мы ищем счастья.
Мы ставим условия: избавь меня от страданий, и я буду верен.
Дай хорошую погоду, дай избавление от болезни, дай любимого мужчину, дай денег, дай покой.
Никто не хочет страдать.
Никто не хочет боли.
Но разве это не такая же часть жизни?
Разве это не совершенная и чистая часть нас самих?
Это всего лишь уровень игры.
Это встроенная в бытие опция.
Через страдания Абсолют так же познает.
Так же разворачивается.
Так же играет.
Отрицая страдания, избегая их, мы лишь заворачиваем на новый круг. Мы убегаем и удивляемся, почему не заканчивается дождь и почему заканчиваются деньги.
Сказать почему?
От бегства. От контроля.
От условий.
Проживая страдания, мы понимаем, что никаких страданий нет.

И под солнцем, и под дождем, и в болезни, и в здравии,
и в союзе, и в одиночестве — эта игра прекрасна.
Она только наша.
Самая уникальная игра.
Самая глубокая.
Самая многогранная.
И Он, создавший ее, играет через нас и нами. И каждая
минута этой бытийности абсолютно шикарна.
АБСОЛЮТно!

бегите скорее в поле,
падайте в это море,
утыканное колосьями вперемешку с сухой травой.
с запрокинутой головой,
под ржаными тяжелыми гроздьями,
смотрите на небо, беременное грозой.

дышите всем телом яростно,
надуваясь, как пластиковый пакет,
хватайте его безжалостно,
вот этот самый момент.

внутри него что-то важное,
всегда норовившее ускользнуть.

под руками земля влажная,
на лице дождевая ртуть.
а зачем же еще соткана эта жизнь... сеть,
если так туго она обмотана, что на небо не посмотреть?

я умру за тебя.
смерть — ворота.
полость рта,
кита синего —
кашалота,
одинокое только
самую малость,
потом глубоко
и тихо.

тело
переплавляется,
существование здесь
меняется
лихо
на где-то там...

я отдам
за тебя
все это,
если будет
необходимо.
не пройти бы
мимо.

пусть
один только
год —

за ворот
свитера
твоего
запускать свои пальцы,
ими же
очерчивать рот
твой,
немея
от идеальности,
вместе
нырнуть в сугроб,
провалившись
в другие
реальности,
летом,
расплавившись
от жары,
упасть
в море,
смотреть,
как гуляют коты,
сушить
тела
на ветру,
зажигать
костры
у пенистой
кромки
на берегу,

кричать
твое имя —
громко,
тихо
шептать,
рыхлить

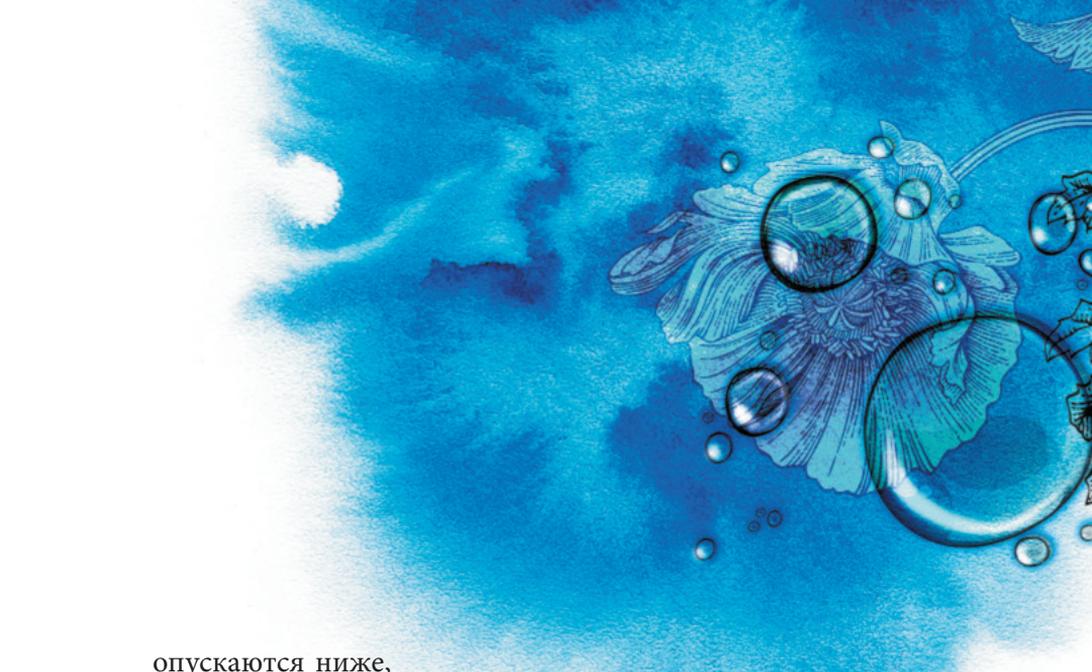
ногами
листву,
стоять на
мосту
и смотреть
вниз,
хохотать,
увидев
падающую
звезду,
закопаться
в песок,
в снег,
засыпать,
наблюдая
движение
твоих век,
ресниц...
вверх
по лестнице,
а потом по перилам
вниз...
слушать,
слушать
все равно что,
просто следить,
как твое
лицо
меняется,
как на него
набегает
тьнь...

и так
один год,
чтобы
день в день...

мы лежим.
через
твои уши
я пускаю песню,
и наши
души
вспоминают
все,
покидают
сушу,
вместе
с этой
песней...
ведь никто
не нужен...
глубже
ни с кем
нельзя...
ты
и я.

падаем
в колодец
без дна,
ловим
эхо,
отлетающее от стен...
твои пальцы
впечатываются
в мел
моей кожи,

опускаются ниже,
между колен,
берут в плен,
сдаваясь
при этом тоже...
не успевая
от рта
отлепить рот...

и так
чтобы
один год...

а потом —
я умру за тебя...
смерть — ворота...
или пасть
огромного
кашалота...

одинок только
самую малость,
потом глубоко
и тихо...

Я подглядываю за Тобой.
Смотрю на Твое лицо.
Оно всегда источает свет.
Я подглядываю за Тобой везде.
Смотрю, как Ты ходишь.
Как Ты сидишь.
Как с головы Твоей падают белоснежные лепестки.
Как мерцают пальцы Твои в лунном свете.
Я ловлю все Твои слова.
Пока Ты не видишь меня,
я дотрагиваюсь до Твоего плаща.
До следов ног Твоих.
До кувшина, из которого Ты пил.
До ветки, которая под Тобой надломилась.
Я пью Твой голос,
когда Ты разговариваешь с учениками.
Я всегда иду за Тобой, прячась за деревьями и камнями.
Наши взгляды никогда не встречались, выдержать свет
Твоих глаз мне не под силу.
Только на расстоянии.
Только издалека.
Не найти человека в этом мире недостойнее меня.
И приблизиться к Тебе мне невозможно.
Но когда Ты спишь, я подхожу совсем близко.
И смотрю на Тебя.
На Твой лоб.
На Твои волосы.
На морщинки в уголках рта.
На Твои ресницы.
Смотрю.
Любуюсь.
Внемлю.
И боготворю.
А потом исчезаю.

И лишь подглядываю за Тобой.
Передвигаясь по Твоим следам.
Ни на секунду не выпуская Тебя из вида.
И вот однажды Ты зовешь меня.
Я-то думала, что я невидимка.
И опускаешь Свое лицо в мою ладонь.
А когда убираешь лицо, на моей ладони отпечатывается
Твой Лик.
Я показываю его всем.
Смотрите.
Смотрите на чудо.
Но руку мою отнимают.
Чтобы не было никаких доказательств.
Чтобы никто больше не увидел Лик Твой.
Я истекаю кровью на камнях.
И это подарок.
Потому что я не увижу Твоих мучений.

я знаю,
ты будешь
колдуном.
из рукава
снег,
волосы
колтуном,
изо рта огонь
искрами
и из глаз.
ты будешь
сочинять сказки
про нас,
собирать
камни,

кормить
птиц
из рук.
ты будешь
самый верный
и близкий
друг.
по утрам
листья
разбрасывать
по дому,
ими шуршать
по вечерам,
фонари зажигать
тремя кругами
вокруг
порога.
я буду
тобой
ведома,
куда захочешь.
заполнена
с головы до ног.
ты хохочешь
как бог —
я слушаю
и задыхаюсь.
уже вроде бы
некуда,
а я все
еще
заполняюсь.
ты будешь
носить
свитер
из можжевельника,

в кармане —
чернику,
новую
жизнь
начинать с понедельника,
а по четвергам
лежать в сене
и выть на луну,
крутить
на ладони
звезду,
говорить
тихо,
выдыхать
звуки
в трубу,
шептать
мне что-то
про дождь
и судьбу.
ты будешь
медведь,
и летать
уметь
будешь,
и петь
странные
песни,
а я — под них
засыпать.
будешь
плавать
в лодке,
а я — тебя
ждать
на горе

в доме.
буду
смотреть
на море,
а когда-нибудь
после
нас станет
трое.

ты мое большое дерево —
я лежу на сплетенье твоих ветвей,
словно в колыбели...
пальцы мои ощущают твой древний ствол —
горячий,
шершавый,
внутри него бегут огненные соки...
расскажи мне одну из твоих историй...
расскажи мне о себе...

ты мое большое дерево.
я смотрю на звезды сквозь густую крону...
звезды такие же бесконечные, как и ты...
я слушаю ветер, который приводит в дрожь твои листья, —
это ты трепещешь от радости и восторга...
никого еще я не видела настолько живым...
ветер, или ты поешь мне старинную песню?
мешаешь слова со вздохами и тихим бормотаньем
и укачиваешь меня...
усмиряешь моих драконов...

ты мое большое дерево.
свесившись с толстых ветвей,
я вижу твои корни, буравящие землю,